

какое бы оно ни было... самое отчаянное казалось ему лучшим; такъ прошелъ часъ, прошелъ другой... эти два удара молотка времени сильно отозвались въ его сердцѣ; каждый свистъ неугомоннаго вѣтра заставлялъ его вздрогнуть, малѣйшій шорохъ въ соломѣ, произведенный торопливостію большой крысы или другого столь же мирнаго животнаго, казался ему топотомъ злодѣевъ... онъ страдалъ, жестоко страдалъ! И то сказать: каждому свой чередъ: счастье — женщина: коли полюбить вдругъ сначала, такъ разлюбить подъ конецъ. Борисъ Петровичъ также иногда вспоминалъ о своей толстой подружкѣ... и волосъ его вставалъ дыбомъ: онъ понималъ молчаніе сына при ея имени, онъ объяснилъ себѣ его трепетъ... въ его памяти пробѣгали картины прежняго счастья, не омраченнаго раскаяніемъ и страхомъ; онъ пролетали, какъ легкое дуновение, какъ листья, сорванные вихремъ съ березы, мелкая мимо насъ, обманываютъ взоръ золотымъ и багрянымъ блескомъ, и упадаютъ; очарованы ихъ волшебными красками, увлечены невѣроятною мечтою, мы поднимаемъ ихъ, разсматриваемъ... и не находимъ ни красокъ, ни блеска: это простые, гнилые, мертвые листья!

Между тѣмъ дѣло подходило къ разсвѣту, и Палицынъ болѣе и болѣе утверждался въ своемъ намыслѣ: спрятаться въ мрачную пещеру, описанную нами. Но кто ему будетъ носить пищу?.. гдѣ друзья? слуги? гдѣ рабы, низкіе, послушные мановенію руки, движенію бровей!.. никого, рѣшительно никого! Онъ плакалъ отъ бѣшенства! Къ тому же, кто его туда проводить? какъ выйдетъ онъ изъ этого душнаго овина, куда его охотники не удались... и не будетъ ли уже поздно, когда они удалятся?..

На разсвѣтъ ему послышался лай, топотъ конскій, крикъ, брань и по временамъ призывный звонъ роговъ; это продолжалось съ полчаса; наконецъ все утихло; прошло еще полчаса; вдругъ онъ слышитъ надъ собой женскій голосъ: — баринъ! баринъ! — вставай... да отвѣчай же! не спишь ли ты?

Вы можете вообразить, что онъ не спалъ, но молчаніе его происходило оттого, что сначала онъ не узналъ этого голоса, а потомъ, хотя узналъ, но оледѣлый языкъ его не повиновался. Онъ тихо приподнялся на ноги, какъ воскресшій Лазарь изъ гроба — и вылъ изъ суща.

— Это ты, хозяйка! пролетѣлъ онъ невнятно.

— И, я!.. да не бойсь... они всѣ уѣхали, поискали тебя немножко, да и махнули рукой: куда-ста ему и дорога... говорятъ...

— Хозяйка, — прервалъ Палицынъ, — ужъ

свѣтаешь... Послушай... Я придумаю, куда мнѣ спрятаться... ты знаешь... отсюда недалеко есть мѣсто... говорятъ недоброе... да это все равно... ты знаешь Чортова Логовище?..

Хозяйка въ ужасѣ три раза перекрестилась, посмотрѣла пристально на Палицына. — Охъ, кормилецъ! бѣда! сатанинское это гнѣздо...

— Нѣтъ другого! — возразилъ онъ въ отчаяніи.

— Оно бы есть, да больно близко твоей деревни... И то правда, баринъ, ты хорошо придумаешь... что начала, то кончу... ужъ мнѣ грѣхъ тебя оставить. Вотъ тебѣ мужицкое платьѣ, скинь-ка свой балахонъ... а я тебѣ дамъ сына въ проводники... онъ малый глупенецъ, да за то небогатырь и ужъ противъ материнскаго слова не поидетъ.

Когда Борисъ Петровичъ переодевался въ смурый кафтанъ и обвязывалъ запачканныя ботинки вокругъ ногъ своихъ, солдатка подошла къ дверямъ овина, махнула рукой; явился малый, лѣтъ 17-ти, глупой наружности, съ рыжими волосами, но складомъ и ростомъ богатырь. Онъ шелъ за матерью, которая шептала ему что-то на ухо, почесывая затылокъ и кивая головой; онъ зѣвалъ безпощадно и только по временамъ отвѣчалъ: — хорошо, мамка! — Когда они приблизились къ Палицыну, то онъ ужъ былъ готовъ. — Съ Богомъ! — прошептала имъ вслѣдъ хозяйка... Они вышли въ поле чрезъ задніе ворота; Борисъ Петровичъ боялся говорить, Петруха не умѣлъ и не любилъ; это случайное сходство было очень кстати. Оставимъ ихъ на узкой лѣсной тропинкѣ, пробирающихся къ грозному Чортову Логовищу, обоихъ дрожащихъ какъ листъ: одинъ — опасаясь погони, другой — боясь духовъ и привидѣній... оставимъ ихъ и посмотримъ, куда дѣвался Юрій, покинувъ своего чадолюбиваго родителя.

ГЛАВА ХІХ.

Юрій, выскакавъ на дорогу, ведущую въ село Палицыно, приостановилъ усталую лошадь и похвальный рысю; тысячу предпріятій и еще болѣе опасеній тѣснилось въ умъ его, но спасти Ольгу или по крайней мѣрѣ погибнуть возлѣ нея, было первымъ чувствомъ, господствующаго мыслію его. Любовь, сначала очень обыкновенная, даже незаслуживавшая имя страсти, отъ нечаяннаго стеченія обстоятельствъ возрасла въ его груди до необычайности; какъ въ тѣни огромнаго дуба прячутся всѣ окружающіе его скромные кустарники, такъ всѣ другія чувства склонились передъ этой новою властію, исчезали въ ея потокѣ.

По гладкой, но узкой дорогѣ ѣхалъ Юрій;